

СУХИНО-ХОМЕНКО ДЕНИС ВЛАДИМИРОВИЧ

PhD-студент Института исторических исследований, Университет Гетеборга (Швеция)

denis.sukhino-khomenko@gu.se

<https://www.gu.se/en/about/find-staff/denissukhino-khomenko>

<https://gu-se.academia.edu/DenisSukhinoKhomenko>

Рецензия на: *Molyneaux G. The Formation of the English Kingdom in the Tenth Century. New York: Oxford University Press, 2015. XV + 302 p.*
[Молиню Дж. Формирование английского королевства в X в.]

DENIS SUKHINO-KHOMENKO

PhD-student, Department of Historical Studies, University of Gothenburg (Sweden)

denis.sukhino-khomenko@gu.se

<https://www.gu.se/en/about/find-staff/denissukhino-khomenko>

<https://gu-se.academia.edu/DenisSukhinoKhomenko>

Review on: *Molyneaux G. The Formation of the English Kingdom in the Tenth Century. New York: Oxford University Press, 2015. XV + 302 p.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Сушино-Хоменко Д. В. Рецензия на: *Molyneaux G. The Formation of the English Kingdom in the Tenth Century. New York: Oxford University Press, 2015. XV + 302 p.* [Электронный ресурс] // Vox medii aevi. 2020. Vol. 1–2(6–7). С. 289–295. URL: <http://voxmediiaevi.com/2020-1-2-sukhino-khomenko>

DOI

10.24411/2587-6619-2020-10011

FOR CITATION

Сушино-Хоменко Д. В. Рецензия на: *Molyneaux G. The Formation of the English Kingdom in the Tenth Century. New York: Oxford University Press, 2015. XV + 302 p.* [Digital Resource] [Sukhino-Khomenko D. Review on: *Molyneaux G...*] // Vox medii aevi. 2020. Vol. 1–2(6–7). P. 289–295. URL: <http://voxmediiaevi.com/2020-1-2-sukhino-khomenko>

DOI

10.24411/2587-6619-2020-10011

ДЕНИС СУХИНО-ХОМЕНКО

Рецензия на: *Molyneux G. The Formation of the English Kingdom in the Tenth Century.* New York: Oxford University Press, 2015. XV + 302 p.

По общему признанию англоязычных рецензентов, книга Джорджа Молиню, основанная на защищенной им в Оксфорде в 2010 г. докторской диссертации, заставляет по-новому взглянуть на проблему ранней английской государственности¹. И в этом с ними можно согласиться: в свете наработок последних десятилетий такая монография тем более актуальна, что подобные обобщающие исследования не появлялись с 1989 г.²

Терминология, цели и главная идея работы сформулированы во введении (с. 1–14). Их можно представить в виде гегелевской триады. Тезис: в 1016 г., когда Кнут Могучий (1016–1035) стал английским королем, Англия как политическая единица и интеллектуальный конструкт в умах современников, бесспорно, существовала. Антитезис: положение дел было обратным в правление Альфреда Великого (871–899). Синтез: Молиню ставит себе задачей изучение процесса становления Англии. На этом пути он отказывается от терминов *England* и «объединение» как вводящих в заблуждение. Вместо них Молиню говорит об «*Anglia* Книги Страшного суда» и расширении политического доминирования Кердикингов — данным условным термином, по аналогии с Каролингами, он обозначает уэссекский королевский род.

В главе 1 (с. 15–47) автор дает содержательный абрис политических событий и очерчивает географические рамки своего исследования. Здесь же содержится предварительный ответ на вопрос, каким образом и зачем Кердикинги расширяли свою власть: за счет личного господства (*lordship*)

1. Из семи обзоров, с которыми нам довелось ознакомиться, лишь в рецензии Эндрю Уорхэма книга Молиню оценивается скорее критически, чем положительно: Wareham A. Review of George Molyneux, *The formation of the English kingdom in the tenth century* (Oxford, 2015) // *Journal of British Studies*. 2016. Vol. 55. №2. P. 409–410.

2. Stafford P. A. *Unification and Conquest: A Political and Social History of England in the Tenth and Eleventh Centuries*. L.; N.Y., 1989.

и в стремлении устранить скандинавскую угрозу. В главах 2 (с. 48–85) и 3 (с. 86–115) рассматриваются взаимоотношения Кердикингов с магнатами и рядовым британским населением до середины X в. соответственно. Со своими «главными подданными» (*greater subordinates*) Кердикинги выстраивали личные отношения на основе покровительства и игры на их интересах и столкновениях. Земельные пожалования имели в этом взаимодействии второстепенное значение, поскольку Молиньо постулирует отсутствие в королевском распоряжении постоянного фонда поместий к северу от Темзы. Напротив, в обмен на личную клятву верности Кердикинги поддерживали магнатов в судах, назначали их на светские и церковные должности и раздавали им движимое имущество. Сопrotивление пресекалось насилием или чаще угрозой его применения. В свою очередь, магнаты осуществляли аналогичное личное господство над нижестоящими. Направляя таким образом действия своих «главных подданных», Кердикинги тем самым добивались контроля над «обычными подданными» и исполнения ими повинностей. Соответственно, доминирование уэссекских монархов ослабевало по мере удаления от западно-саксонского ядра королевства, но вплоть до какого-то момента господство Кердикингов имело примерно одинаковую, «личную» природу во всей Британии.

Обширная глава 4 (с. 116–194) посвящена административным нововведениям второй половины X в. Таких Молиньо выделяет четыре: унификация монетной чеканки (т.н. монетная реформа ок. 973 г.); новое территориальное деление на графства (*shires*); разбивка последних на более мелкие единицы, «сотни» и «уапентаки»; распространение на эту территорию аппарата «королевских людей», состав которых (элдормены, управляющие, епископы) пополнился оформившейся к концу столетия должностью шерифа (*scīrman*, *scīrgerēfa*). Последняя часть главы затрагивает причины этих новаций, и здесь Молиньо предлагает комплексное объяснение: в это время сошлись стремление Кердикингов к максимизации доходов, военные потребности и новое понимание королевского сана, возникшее под влиянием Бенедиктинской церковной реформы.

В главе 5 (с. 195–230) изложены последствия реформ, главное из которых — качественное изменение, интенсификация власти Кердикинггов над землями между Ла-Маншем и рекой Тис, что и привело к выделению этой территории, впредь называемой *Englaland*, из прочей Британии. Границы определились естественным образом, поскольку именно Тисом на севере ограничивалась зона скандинавской колонизации. Заключение (с. 231–249) адресует давней историографической традиции противопоставления Англии континенту. Бегло сравнив всю «латинскую Европу» между IX и XII вв., Молиньо делает два последовательных вывода. Во-первых, справедливо критикуя представление о некоем универсальном посткарولينгском пути, Молиньо помещает Англию в ряд со странами «внешней Европы» (королевством Леон, Венгрией, Богемией и Моравией, Польшей), где в X–XI вв. наблюдается тенденция к укрупнению и стабилизации политических единиц. Во-вторых, в рамках этого тренда не было какого-то единого магистрального пути, каждый регион развивался уникально. Следовательно, Англия не была ни «отклонением», ни «исключением».

Для качественного понимания, насколько прорывной стала книга Молиньо, необходимо обратиться к ее историографическому контексту. Вышедшее в 1943 г. первое издание фундаментального труда сэра Фрэнка Стентона³ заложило основы для сформировавшегося в 1970–2000-е гг. «максималистского» понимания английского королевства в XI в. Несколько прямолинейные взгляды самого Стентона, а также Эрика Джона и Генри Лойна на английское «государство знати»⁴ как детище королевской власти позже были дополнены более частными исследованиями Питера Блэра, Генри Ричардсона и Джорджа Сэйлза, Энн Уильямс и других⁵. На этой базе два основоположника «максималистского подхода», Джеймс Кэмпбелл и Патрик Уормальд, в 1980–2000-е гг. сформулировали тезис, согласно которому «позднее англосаксонское государство» было эффективным и беспрецедентным на фоне остальной Европы за счет более глубокого контроля над жизнью своих подданных. Более того, это

3. Stenton F. M. Anglo-Saxon England. 3rd ed. Oxford, 1971.

4. Такое понимание во многом созвучно параллельной немецкой идее *Adelsherrschaft* («господство знати»), вдохновленной работами Генриха Данненбауэра.

5. См.: Глебов А. Г. Англия в раннее Средневековье. СПб., 2007. С. 16–17.

было национальное государство (sic!) с центральной властью, едиными институтами, определенными границами, национальным языком, церковью и идентичностью. Выведение Кэмпбеллом некоторых элементов управления из едва ли не доримских времен дополнялось описанием Уормальдом фигуры Альфреда как «отца-основателя» английского королевства и его идейного вдохновителя⁶.

Во многом в полемике с подобными идеями и написана монография Молиню. На с. 232 он признает «убедительную силу <...> их (максималистов. — Д. С.-Х.) аргументов о значительных административных возможностях донормандских королей». Молиню видит свою задачу лишь в уточнении хронологии и причин складывания этих механизмов. Так, на с. 201–209 он опровергает мнение о «большом плане Альфреда» по объединению страны и предлагает собственное толкование идеологии «народа англо» (*gens Anglorum* и *Angelcynn*). Веским доводом против понимания английского королевства как «национального государства» (хотя Молиню избегает подобных терминов) является распространение английской идентичности в Лотиане при одновременном безразличии к нему уэссекских династий ввиду отсутствия здесь скандинавской угрозы. Напротив, под их властью существовали группы с разной идентичностью (с. 6–9). Главы 2 и 3 демонстрируют избыточность предположения о наличии у западно-саксонских королей первой половины X в. разветвленного аппарата для объяснения военных успехов и контроля над территорией. В духе Оккама Молиню экономно объясняет их через богатство и личное господство Кердикингов, утверждавшееся, среди прочего, на королевских собраниях (т.н. *witenagemōt*). В главе 4 Молиню опровергает представление о «седой древности» как начале многих английских социальных и политических институтов управления, таких как оценка земли в фискальных единицах, извлечение принудительного труда, территориальная организация и прочее. Он не отрицает, впрочем, наличие предшественников подобных практик как таковых, но подчеркивает, что именно их упорядочивание и «огосударствление» и создало

6. *Campbell J.* The Late Anglo-Saxon State: A Maximum View // *Proceedings of the British Academy*. 1994. Vol. 84. P. 39–65; *Wormald P.* Pre-Modern “State” and “Nation”: Definite or Indefinite? // *Staat im frühen Mittelalter* / hrsg. von S. Airlie, W. Pohl and H. Reimitz. Wien, 2006. S. 179–189. См. также другие работы авторов.

«*Anglia* Книги Страшного суда». Наконец, его отторжение национальной государственной телеологии и чувства «островной исключительности», помещение Англии в более широкий европейский контекст, заметно подрывает «максималистский подход».

При сказанном, однако, монография не обошлась и без шероховатостей, если не сказать слабостей. Многие положения Молиню, по его же собственному признанию, выстроены «от противного», а выражение «аргумент из умолчания» (*argument from silence*) даже внесено в указатель на с. 299. Иными словами, Молиню позитивистски уравнивает существование исторического факта с его вербальным отражением в источниках. Соответственно, отсутствие свидетельств толкуется не в пользу объекта изучения. До некоторой степени подходы Молиню и его предшественников-оппонентов к «англо-саксонскому государству» напоминают методологический спор в шведской историографии первой половины прошлого столетия. Несколько упрощая, братья Лориц и Курт Вейбулли исходили из обязанности оперировать только «надежными» фактами, каковыми они не считали ни скальдическую, ни эпическую поэзию, ни традицию саг, почему историю скандинавских королевств, вопреки национально-романтической традиции, они отказывались отсчитывать от эпохи викингов или даже более раннего периода. Напротив, археолог Биргер Нерман настаивал, что бремя доказательства заведомой недостоверности традиции в источнике, даже если она нигде более не фиксируется, лежит на исследователе.

Критика, связанная с двойственным отношением Молиню к некоторым подробно им описанным историографическим разногласиям⁷, кажется нам менее существенной, чем его амбивалентный подход к иным важным вопросам. Например, на с. 33–38 в соседних абзацах приводятся сразу два объяснения причин, послуживших к сохранению единства английского королевства, в отличие от франкского. За справедливым призывом к отказу от телеологического взгляда и указанием на роль случайности в истории⁸ следует утверждение о важности качественно новых институтов в создании

7. Спор о наличии королевской канцелярии – с. 58; дискуссия о формировании войска – с. 80–81; разногласия в оценке монетной реформы – с. 118–119.

8. В отличие от франкской державы, в Англии не имели место длительные периоды соправления, которые Молиню считает проявлением исторической случайности.

«*Anglia* Книги Страшного суда». Соотношение этих равно значимых факторов остается, видимо, на усмотрение читателя. Подчас непоследовательными кажутся и принципы работы с источниками. Так, обсуждая важность королевских грамот для установления состава *witenagemōt* (с. 54–60), автор обходит стороной вопрос репрезентативности корпуса ввиду особенностей их сохранности⁹. В главе 3 историк указывает на неоднозначность королевского законодательства как источника¹⁰ (с. 104–105), что в целом никак не отражается на его выводах.

При всей «оппозиционности» Молинию его книга тем не менее плоть от плоти британской эмпирической школы медиэвистики. Просуммировав в одной сноске жарко дебатировавшийся вопрос о применимости понятия «государство» к Средневековью, исследователь отклоняет его как схоластический спор о терминах и легко соглашается называть английское королевство «государством» в компаративных целях (с. 231–233). Не найдет читатель и отдельного историографического раздела, обойдены стороной и идеи Отто Бруннера о господстве (*Herrschaft*) как способе описания средневековых политических реалий. Нельзя не упомянуть и упущенные теоретические возможности. Выведенная Молинию траектория складывания английской государственности хорошо вписалась бы в схему американского социолога Майкла Манна, выделяющего «экстенсивную» и «интенсивную» организацию власти¹¹. «Конституционная традиция» (с. 216–230) могла бы выиграть от сопоставления с «харизматической» и «бюрократической» легитимацией власти классика социологии Макса Вебера¹².

В заключение мы хотели бы подчеркнуть, что даже несмотря на критику, приведенную выше, мы присоединяемся к нашим зарубежным коллегам в их высокой оценке исследования и рекомендуем его широкому кругу заинтересованных читателей.

9. Что в целом характерно для британской историографии и уже бегло отмечалось нами (Сухино-Хоменко Д. В. Получатели, топография и динамика производства англосаксонских королевских грамот 900–1066 г. в свете статистики // Восточная Европа в древности и Средневековье: Письменность как элемент государственной инфраструктуры. XXVIII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. М., 2016. С. 277–286).

10. Как справедливо замечает автор, часто мы не можем сказать, что именно отражает текст: королевскую идеологию, фиксацию уже существующего порядка вещей, законодательную новеллу и т.д. Также исследователи, в том числе упомянутый Патрик Уормальд, отмечали и отсутствие ссылок на королевские законы в дошедших сведениях о судебных тяжбах. Подробнее см.: *Roach L. Law Codes and Legal Norms in Later Anglo-Saxon England // Historical Research*. 2013. Vol. 86. №233. P. 465–486.

11. О ней см.: Карасев Д. Ю. Историческая социология власти Майкла Манна // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. 19. №4(87). С. 5–23.

12. *Adair-Toteff Ch. Max Weber's Charisma // Journal of Classical Sociology*. 2005. Vol. 5. №2. P. 189–204.